

КНИГОЧЕЙ ИЗ БОЯРЫШЕК

Васька приезжал в город по важному делу — продать букинистам книги.

После отца у них с Ленкой осталось много книг. Среди них были и самые новые, современные, с модными обложками, покрытыми лаком, с цветными картинками, на которых долго не вянет типографская краска, и книги старинные, поблекшие, кажется, сто лет назад. Ваське нравилось разглядывать переплеты, тисненные золотом, обтянутые кожей или малиновым сафьяном. Интересно было водить пальцем по картинкам с замысловатыми завитушками на заставках и титулах и осторожно листать тонкие пожелтевшие страницы, почти прозрачные на свет. От буквы «і» и множества твердых знаков рябило в глазах, трудно было читать слова, но отец такие книги любил. Не хотелось расставаться с ними, как с дорогой игрушкой, оказавшейся еще не по возрасту и с каким-то тайным, заманчивым секретом в себе, так и не разгаданным до конца. К тому же книги были для них с Ленкой не просто воспоминанием об отце, но частью их прошлой жизни, и Васька бы не решился продавать их, если бы не нужда, если бы не горькая необходимость, которой он уступал, житейски малоопытный пока человек. В общем, на продажу он отобрал только часть книг и утешался этим.

Васька слышал, что старинные книги считаются редкостными и особенно ценятся книголюбями. Да еще как, дескать, ценятся!.. Но само это слово «ценятся», осязаемое на слух почти как на ощупь, в котором металл звучал приглушенно и похоже на то, как при встряхивании отзвывает в зажатой пригоршне мелочь, чем-то пугало Ваську. Он думал больше не о деньгах, а об уважении к книгам, и такое понимание было, пожалуй, не столько его, сколько отцовское.

Васька незаметно для себя перенял и повторял отцовы привычки, манеры, а с ними и его отношение ко многим вещам. Конечно, он старался как можно сильнее походить на взрослого, но грустно было смотреть, как, рассуждая, он степенно, несвойственным для мальчишки жестом разводил руки, в стороны, потом клал их на колени и, опустив глаза в пол, сдержанно вздыхал, доказывая Ленке, что книг они купят себе впереди сколько угодно, а вот здоровье ни за какие деньги не купишь. Упустишь момент — и все... Так что приходится...

Подобная прозорливость смолоду дорого обходится. И хотя прожил Васька маленькую жизнь, опыт и память об отце подсказывали, что ему никак нельзя ошибиться в покупателе. На каждого, понятно, не угодишь. Продавать надо тому, кто понимает. А лучше, чем в книжном магазине, этого никто не поймет! Вот он и поехал в город, уверенный, что домой возвратится с выручкой. Ленка будет рада!..

Город, по-старинному опрятный и чистый — такие опрятные города Васька не раз видел на старинных литографиях, — действительно древен. Слава его еще от времен нашествия поганых на Русь шагнула в учебники

истории, и Васька был горд той счастливой случайностью, тем приятным для детского сознания совпадением, что ему довелось жить в Боярышках — на дальних подступах к городу, километров за шестьдесят от него по непутевым раньше дорогам. В играх с ребятами, в воображении зорким дозорным стоял он в Боярышках со своей голоштанной дружиной, чтобы при первой опасности послать в город гонца с тревожной вестью, а самому задержать неприятеля... Но эти игры давно отошли в прошлое. Без отца он сразу повзрослел настолько, что даже богатым русским купцом не может представить себя сейчас...

Эх, полным-полна коробушка...

Нет, не поется Ваське.

После того как вылез он из попутной машины возле станции, чемодан с книгами, не оттянувший рук, легок еще, и Васька бодро шагает по знакомым улицам, приглядываясь, будто узнавая и не узнавая их. Все те же приземистые дома с крашеными наличниками, те же трамвайные рельсы кольцом на площади перед вокзалом, те же столбы с высоченными светильниками, изогнутыми как птичье крыло... Только нет привычной взгляду булыжной мостовой, по которой они с отцом въезжали сюда. Улица залита асфальтом и оттого выглядит строже, наряднее.

А за поворотом, где в сохранившихся флигелях какой-то старинной усадьбы был детский сад, ребят уже нет, не видно и разукрашенных грибков с песочницами во дворе. Там теперь четырехэтажное здание с окнами от пола до потолка. И Васька удивляется: как там могут жить люди?! Ведь они видны всем почти насквозь!..

Да, город понемногу меняется.

Васька приезжал сюда несколько раз с отцом. Родни тут у них не было, и они, чтобы не ночевать где попало, управлялись со своими делами обыденкой. Утром на эмтээсовском «газике» — сюда, а вечером — обратно. Сам-то отец ездил в город чаще. Получал новые машины, тракторы, сеялки, доставал запчасти.

Хлопот хватало.

Из-за беготни некогда было ему смотреть за Васькой, и он, уносясь по скрипучему коридору районной «Сельхозтехники», обычно оставлял Ваську на крыльце или на лавочке перед конторой, под липами. «Ты посиди тут, — ронял он, — я сейчас, скоро...» Васька терпеливо ждал, слушая, как рядом, возле красной железной бочки с окурками, лениво переругиваются приезжие шоферы из колхозов, и злился, когда в обед, согнув спины, они исподтишка распивали поллитру «Перцовки» и закусывали зеленым луком с круглой краковской колбасой. Это непорядок, пить им нельзя. «А ты не смотри, мал еще!..» — насмешливо отгоняли они его, как муху, и Васька отходил в сторону.

В конторе «Сельхозтехники» в самом дальнем конце коридора стоял на табурете цинковый бачок с большой кружкой на цепочке. Васька отворачивал краник, долго, чтобы потянуть время, нацеживал кружку до краев и маленькими глотками выпивал приторно-теплую воду. Сплюнув в таз, он опять шел на улицу на цыпочках, чтобы не скрипели доски. А то выйдет кто-нибудь на скрип из-за двери, спросит, чего он тут?! Еще вдруг попадет отцу...

Подойдя к запертым воротам «Сельхозтехники» и просунув голову между железными прутьями решетки, Васька высматривал отца. Высокий, на голову выше многих мужиков, загорелый, с закатанными по локоть рукавами рубахи, отец бегал по пыльному двору со склада на склад, ругался с потными мордастыми кладовщиками, которым, как понимал Васька, никакого закона не было в отцовых бумагах. Они на них даже не смотрели. Но отец не уступал. Выбив, должно быть, из кладовщиков все, что надо, отец выскакивал на крыльцо, отыскивал глазами Ваську и, словно бы удивляясь, что тот еще здесь, радуясь, что цел тот и невредим, облегченно говорил:

— Ну все!.. Оформлю только накладные, и порядок! Скоро уже, Вась,— добавлял он примирительно.— Пойдем газировки выпьем, пообедаем в столовке — и куда договаривались...

Договаривались они обычно много куда, но успевали самое необходимое: пообедать в столовой, где Васька всегда и непременно заказывал себе окрошку со сладковатым городским квасом, и сходить в магазин культтоваров. В «Культтовары» они обязательно заходили перед отъездом — нельзя возвращаться без игрушек для Ленки. Ленка всякий раз заказывала говорящую куклу с открывающимися глазами, но такие куклы будто и в Москве не всегда продают.

В магазине отец смущенно оправдывался перед Васькой:

Ну вот видишь, Вась, опять такой куклы нету, а?! Что ж мы ей купим?.. А тебе?!

—Ты сперва себе купи! Рубаха вон истрепалась,— хмуро советовал он, словно старший младшему.— А то истратишь деньги, а потом опять до полочки, да?!

Да я-то куплю,— смеялся отец,— сперва вам...

Однажды он купил Ваське ранец с кожаными ремнями, такой, что его можно надевать на спину и бегать со свободными руками. Особенно зимой удобно — идешь в школу на лыжах с палками, никто тебе не страшен... Ленке тоже привозили всего. Но кукла... Из-за нее отец выставлял Ваську в свидетели, словно тот только и мог убедить Ленку, что они не нарочно... Ленка сперва куксилась, надувала губы и, растопырив тонкие руки над гостинцами, разложенными на столе, опускала голову, а сама исподлобья глядела на отца с братом жалобными, дрожащими от слез глазами. Не дав ей расплакаться, Васька с хозяйской рассудительностью втолковывал:

— Так даже лучше. Мы ее тебе в следующий раз привезем... Кукла же новей будет, поняла?!

Ленка соглашалась кивком, а на стол капало. С отцом еще можно поспорить, но с Васькой — не-е-ет, с Васькой спорить нельзя, а то он ей сразу что-нибудь сделает. Его вон даже отец слушается как большого...

Отец много работал. Зимой на его плечи ложился ремонт всего машинно-тракторного парка. А когда он выводил свою технику на линейку готовности — не успеешь оглянуться, как начиналась запарка с посевной. Там чуть маленький роздых, и снова с темна до темна в поле, а то и ночью не видят его ребята — уборочная. И все же, как ни мало было у него свободного времени, он и баловался с ними, и книжки читал, и вроде совсем недавно обещал, как отсеются — возьмет выходной на день или на два, поедет с ними в город и устроит им большое гулянье. Только отдых — никаких дел, никакой работы, и сам он с ними, в «Сельхозтехнику» ни ногой!..

В ожидании этого дня Васька с Ленкой строили свои планы.

Сходить в кино — обязательно на «Чапаева» — это утром, а вечером в кукольный театр на «Буратино». Нельзя сказать, чтоб деревянный мальчик очень нравился Ваське. Он соглашался на спектакль ради Ленки, но сам заранее предчувствовал радость и какое-то трепетное волнение в груди от встречи с белокурой Мальвиной. И отцу, и Ленке, думал он, этого не понять; только бы достать билеты... А отца почему-то тянуло в парк культуры и отдыха — сокращенно его называли горсад.

Когда-то, когда отец был еще молодым парнем, чуть постарше Васьки, он увидел там высоко на качелях смеющуюся девушку, увидел и полюбил ее — это была Васькина мама. Отец о матери почти никогда не рассказывал; Ленка с его слов только и знала, что мама была красивой и не боялась высоты. А Васька хорошо помнил мамино лицо, молодое, доброе и такое же круглое, как у него, и поэтому всем казалось, что он вышел в мать. Помнил ее мягкие и рассыпчатые, как шелк, волосы и как ока, когда у них собирались гости, потрянув головой, так что кудри, рассыпавшиеся по плечам, улетали за спину, неожиданно обрывала разговор, и глаза ее, делавшиеся на минуту задумчивыми, начинали лучиться, но морщинки у глаз выдавали грусть. Голосом, так похожим и непохожим на свой, тихохонько она запевала:

Ни-и-и-что в по-о-о-о-лю-у-шке

не ко-о-лы-и-и-ше-эт-ся...

Только грустный напев где-то слышится.

Случалось, Васька напоминал об этом одним мотивом, и отец, если Ленка была рядом, тревожно покашливая, словно предупреждал, останавливал его.

— Скоро, скоро я покажу вам и город и горсад,— повторял он.—

Покатаю вас на качелях, на карусели, даже на чертовом колесе... В комнату смехаходим, а то больно уж надоели мне ваши постные рожицы... Васька сам себя

не узнает, скажет: «Это не я, а какой-нибудь Барабас...» А мы ему: «Да ты погляди получше, ты, Вась... Особенно когда сердишься, что мы смеемся...» Тебе, Лен, покажу, какая у тебя талия тонкая, будто рюмка на ножке...

— А я не разобьюсь?!— полусерьезно, но и с опаской переспрашивала Ленка, Васька не выдерживал тут, смеялся вместе с отцом.

Ленка как-то призналась ему, что в горсад ей хочется сильнее даже, чем на «Буратино».

— Я на качели хочу,— сказала она.— Посмотреть, может, мамку увижу... А, Вась?!

— Молчи ты!..— психанул он и тут же пожалел об этом, потому что он-то видел, а Ленка не видела мамку и не помнила ее так, как он.

Мать работала акушеркой в Боярышках, и ее все знали в округе, и все о ней говорили при Ленке. А ей: «Какая ты у нас сироточка...» Васька велел Ленке не слушать таких.

— Мы с отцом и с бабушкой! — приказывал он ей, и она послушно кивала молча, а туфлей ковыряла землю, и губы у нее дрожаще морщились, точно как у матери. Васька еле сдерживался, чтобы не дать сестре подзатыльник: думала-то она по-своему. Но он скоро прощал ее.

А горсад...

До прошлогодней весны не съездили. Той весной, как случилось с отцом, все они потеряли, так все разом и оборвалось...

Вот он, Васька, в городе. Может и в горсад сходить, и в кино... Но он сказал Ленке, что один никуда без нее не пойдет. Точка! Это она пусть точно

знает. Он только в книжный магазин ходит, в букинистический, и сразу домой.

Все-таки жаль, что с отцом они редко ходили в букинистический. В других книжных бывали — и на Комсомольской улице, и на Ленинской, а в этом только один раз. Но Васька запомнил: где-то на Нагорной, или на Партизанской, или на улице 55-й стрелковой дивизии... Отец еще говорил, что эта дивизия первой вошла в город и освободила его от немцев. А вот по ней ли они шли тогда или только пересекали улицу — Васька подзабыл...

Он все равно вспомнит, и найдет, и чемодан свой донесет сам. Просить никого не станет. А если рука устала — так можно остановиться, передохнуть. Его же никто не гонит, и солнышко еще высоко.

Высокое солнышко между тем припекало. Рубаха у Васьки намочла под лопатками, а чемодан будто подменили, так он потяжелел. Идти надо было через центр, в гору, а там немного взять влево и по тротуару... Конечно, он найдет! Улица приметная, по обеим сторонам на ней растут вековые липы, под ними прохладно, как в лесу. И магазин узнает — по порожкам и по старинным львам на ручке магазинной двери.

По правде сказать, дом с магазином снаружи был малоприметен, не запоминался. Сложенный из кирпича и беленый, он выглядел плоско, как нарисованный на фанере. Но над тротуаром возвышались порожки из какого-то блестящего камня. Их Васька помнил, потому что порожки эти обманули его. Глядя на них, думалось, что как откроешь дверь, так придется идти вверх, а на самом деле там лестница вниз, в полуподвал, тоже крутая и неудобная. Зато на двери сверкала натертая до янтарного блеска медная ручка, тем чудная, что по краям ее украшали львиные морды с разинутой пастью. В таком доме наверняка жили привидения, а при Советской власти их выселили.

Отец тогда посмеялся над этой Васькиной придумкой, а потом сказал:

— Не люблю, брат, я здешние привидения. Все у них есть, все достать можно, только из-под полы...

Почему «из-под полы» — Васька не понял. Книги открыто стояли на полках; лишь тяжелая, в сборку, портьера, прошитая золотой ниткой,

закрывала проем между стеллажами — там дверь внутрь, на склад. Переспросить отца?! Но тот, когда что не по нему, особо не распространялся. И Васька усвоил такую же привычку...

...Проще всего ему сейчас обратиться к прохожим: где тут Нагорная или Партизанская, как пройти к ней? Но, человек взрослый, самостоятельный, Васька понадеялся на себя. Люди могли и не знать, могли спутать адрес, указать не в ту сторону, а каково-то с чемоданом туда-сюда таскаться!.. Отец не зря говорил: приглядывайся, Вась, жить будешь — все пригодится... Это если бы заранее знать, сколько ему плутать, Васька, может, и спросил бы кого. Он уже чуть было не заговорил с одной девчонкой — его примерно возраста и городской — по туфелькам лакированным видно, что городская, и по всему, то есть по красной юбочке короткой, выше колен, по колечку с камушком на руке... Но посмотрел он на это колечко и отчего-то застеснялся, покраснел, а она прошла несколько шагов, оглянулась на Ваську и язык высунула. «Тоже мне кукла говорящая,— циркнул он сквозь зубы,— а небось думает о себе!..»

Эта длинноногая девчонка, воображала первый сорт, долго не выходила у него из головы. К даже обидно стало, что никому он не нужен тут, в городе, вихрастый, в неновых уже ботинках, с фибровым чемоданом на плече, от которого онемели руки. И чтоб заглушить нелепую горечь в душе, Васька остановился около мороженщицы. Подумал и купил сразу две порции эскимо. За себя и за Ленку. А ей — шоколадку. Он и еще что-нибудь купит ей, только сперва книги продаст.

После мороженого захотелось пить, может, оттого захотелось, что встретила на пути водопроводная колонка. Васька сполоснул лицо, потом набрал воды в фуражку и, не замечая привкуса хлорки, пил, покуда пузо не расперло под барабан. Тогда присел в тени на чемодан, дал обсохнуть фуражке, чтобы не капало с нее за воротник, и тут, приглядевшись к домам, вроде бы узнал ту самую улицу, какая нужна ему. Только называлась она, как ни странно, не Партизанской и не имени 55-й стрелковой дивизии, а Красноармейской... «Все равно та!..— решил он, заволновавшись, и торопливо поднялся.— Есть же в ней что-то военное, я не зря думал..»

Цепкая память не подвела.

Магазин оказался неподалеку, и скоро Васька увидел знакомые порожки и высокий, известкой беленный дом, в котором окна были поставлены заподлицо со стеной, отчего здание и запомнилось ему таким плоским, как

нарисованное. Увидел он теперь и магазинную вывеску, о которой почему-то не подумал раньше, а вот медных старинных львов на дверной ручке не оказалось,— кто-то поотвернул им головы... Ну это неважно. Важно, что нашел...

К магазину Васька подошел с робостью. То ли это от радости у него, а дрожь в руках от усталости, то ли он волновался и боялся из-за того, что едва не впервые ему предстояло самостоятельно исполнить такое большой важности для них с Ленкой дело, как продажа отцовых книг... Отцовых... И на миг словно воочию возник перед ним отец. Конечно, это только представилось Ваське, что он возник. Не затем ли, чтобы поколебать его мальчишескую решимость?! Вид у отца растерянно-виноватый. Нельзя решить, против он Васькиной затеи или за, а ведь Васька приехал выручить деньги... Надо. Не ему, Ленке надо! Прав или не прав, да что же делать, если другого ничего он не придумал?! Вернуться еще не поздно... Но необходимость, то самое «надо», о котором он только что думал, как бы толкнули перед Васькой дверь. . Он переступил порог.

После солнечного света улицы в полуподвале темно, но глаза скоро обвыкают в сумраке. Покупателей немного. Это успокаивает Ваську: слышал, что, когда в магазине очередь, книжки могут и не принять на продажу, или только одну из десяти... А ему продавать — так все, не зря же он чемодан пер из Боярышек!.. Покупатели переходят от прилавка к прилавку. Кто-то разглядывает комплект «Нивы» с обтрепанной обложкой из толстой розовой бумаги — за тысяча восемьсот девяносто... какой-то год, замечает Васька. Двое молодых, похожие на мужа и жену, читают по картотеке названия и вопросительно смотрят друг на друга, будто гадают: то или не то?! Нет, не то... Перебирают дальше.

Маленькая старушка с портфелем под мышкой, вошедшая в магазин за Васькой, наморщив тонкий нос и, наверно, не видя никого сослепу, звонким голосом спрашивает:

—У вас имеется прижизненное издание герценовского «Колокола»?.. Я обещала показать своим ученикам, хочу, чтобы они в руках подержали,— добавляет она.

—Большая редкость,— помедлив, скупое отвечает пухленький старичок за прилавком, одетый в серое. При этом он опускает подбородок на грудь, на жилетку, и поверх очков недолго разглядывает учительницу.

А «Полярная звезда»?.. Есть?!

— Нет,— опять безразличный ответ после внушительной паузы. Только теперь старичок уже не смотрит на покупательницу. Да и некогда ему. Он подклеивает в книге отставшие страницы.

Почувствовав запах клея, Васька проникается уважением к старичку. И ему непонятно, зачем тот немного погодя объясняет учительнице:

— Такие уникальные издания можно только с рук перекупить. И за бо-оль-шие деньги...

Он же ясно сказал ей: нет.

В разговор вмешивается молоденькая продавщица с другой стороны. Она довольно бодро советует:

— Заскакивайте почаще, может быть, попадетсЯ...

Васька замечает, что учительница в ответ неопределенно фыркает и уходит со строгим выражением на лице.

Продавщица в темно-синем халате вздыхает:

— Это уж как повезет...

Васька стоит в полутемном углу и раздумывает, к кому из продавцов подойти. И женщина ему нравится, и старичок... Но тот занят — клеит, реставрирует... Он, наверное, хорошо понимает в книгах. К нему попробовать?

Вваливается компания молодых людей. Они шумно переговариваются, острят, что перепутали, дескать, магазин, и вот уже продавщица хохочет вместе с ними, а Васька заранее знает, что они ничего не купят...

Как-то незаметно в магазине оказывается новый человек. В темной фетровой шляпе, несмотря на жару, в темных очках, полный и какой-то лоснящийся весь, он стоит перед стариком и, не смея согнуться от солидности, как-то кожей лба приподнимает шляпу. А может, она сама поднимается у него на голове? Может, так устроено?! Старичок преображается. Улыбается гостю, раскланивается, ножницы и клей уже в стороне, в голосе умиление с извинением:

— Не могу сегодня порадовать вас, пока нечем... Но мы обязательно сделаем. Ни о чем не беспокойтесь, прошу вас... Шура сама принесет.
— Он глазами указывает на продавщицу.

Значит, как условились?!— хмуро переспрашивает шляпа.

— Обязательно. Раз мы обещали — это наш закон... Могу предложить кое-что другое, но тоже интересное... Шляпа удовлетворенно кивает.

— Потом... Завернете все вместе...
Старик согласно кивает.

— Это вам,— чуть оттаяв голосом, сообщила шляпа.

Что-то круглое, обернутое белой бумагой, переходит над прилавком из рук в руки и исчезает.

Ваське и интересно, и неудобно, словно он ненароком подсмотрел чужую жизнь. Отвернулся было, а шляпы и след простыл. Шумной ватагой, оглазев все, удалилась молодежь. Осталось человека три, на Ваську они без внимания.

«Надо решаться!..» — подгоняет сам себя Васька, но застенчивость мешает ему.

В магазине так хорошо: тихо, нежарко, пахнет клеем и старыми книгами, когда они долго стоят на полках. Запах этот, не плесени, не пыли и сырости, а скорее запах былых времен, знаком Ваське и приятен. Васька раздувает от

удовольствия ноздри и вдруг ощущает в воздухе какой-то иной, неестественный здесь, непонятный, сладковато-острый привкус, как в аптеке от чего-то ядовитого... Это старик достал из бумаги огромный оранжевый апельсин и чистит его на прилавке. Толстая кожура хрупко ломается, и видно, как брызжет из нее сок.

Васька стыдливо опускает глаза, но тут женщина-продавщица громко обращается к нему:

Мальчик, тебе что?!

—Теть,— Васька подходит поближе и говорит шепотом, просит ее с надеждой,— теть, купите у меня книги...

Сдаешь?..— большими глазами она посмотрела на Ваську и его чемодан.

Васька поспешно нагнулся.

Доставать?!— спросил он.

Это не ко мне,— ответила она.— Это к Осип Александрычу...

К какому?..

—Да вон! Иди туда,— сказала она Ваське, и громко: — Осип Александрыч, к вам! Оцените, что у парнишки... Он битый час мнетя возле двери, первый раз, должно...

«Ах этот!..» — подумал Васька огорченно, забыв, что минуту назад сам собирался подойти к нему.

А теперь мелькнуло: «Может, и хороший он человек, но кто ж его знает... Апельсин ест...»

Осип Александрович привычно опустил голову и глазами стрельнул поверх стекол, но не очков, а как, только подойдя ближе, разглядел Васька, поверх пенсне. Угадав на Васькином лице растерянность, старик поманил его: иди, иди, не бойся... Сам не спеша спрятал под прилавок недоеденный апельсин. Достал оттуда вафельное полотенце, несвежее, мятое, заметил Васька, небрежно обтер им подбородок и губы, руки и, пережевывая на старческих деснах остатки, сказал шепеляво и вроде как насмешливо:

—Ну те-с, что там за богатство, какие клады?!

Васька щелкнул замками и с открытой крышкой приподнял чемодан на высоту прилавка. Доставать и показывать книги по одной он почему-то не решился, постеснялся.

Старик приемщик, вблизи приземистый и тучный, надул щеки, потянул чемодан за крышку и вывалил его перед собой. И когда посмотрел на книги, стекляшки пенсне, похожие на стрекозиные крылья, даже подпрыгнули от удивления и удовольствия. Дрогнувшей, рукой с пальцами в растопырку он зачем-то разворошил всю кипу. Наслюнявя пальцы, перекинул, не глядя, пару страниц в одной книге, в другой и, покосившись на обалделого Ваську, стал откладывать их в сторону, к себе поближе.

«На покупку...» — понял Васька.

Руки старика вдруг замерли, он вздернул ноздрями, как легавая, хрипловато спросил:

— Ничего... Ну а книжечки-то не ворованные, а?.. Не украл, говорю?!— словно бы даже с одобрительной интонацией повторил он, так и не дождавшись Васькиного ответа.

Ваську точно по щекам ударили. Не зная, что сказать, догадываясь, что ответ его вовсе и не нужен, он молчал. Комок подкатил к горлу, и его было не проглотить.

И дальше, сочтя, стало быть, его молчание вполне законным, старик, поуспокоившись, отложил еще несколько книг.

— Ну-с, молодой гражданин,— по голосу старик насмешничал над ним,— на какую сумму изволите получить чек?! Разумеется, покрупнее?..

Видно, он уже прикинул цену Васькиному наследству и хотел расплатиться.

«Загребет!..— со страхом подумал Васька.— Точно, загребет. И под прилавок сунет, как апельсин...» И, думая об этом, Васька силился представить, что будет дальше, но в сознании почему-то всплыла и маячила перед глазами только фетровая шляпа; все остальное не укладывалось у него в голове, от стыда, должно быть. И еще — обидно было, что все это он без отца решил... Тот никогда бы не допустил такой позор.

Сам не зная, что с ним, Васька не притронулся к чеку. Подумал, что не такой уж он маленький, чтобы не постоять за себя, хотя бы и перед этим стариком приемщиком, а то кидается словами какими попадая... Пусть он лучше свой апельсин жрет и на другой раз помалкивает. В Боярышках не воруют, это не то что где-нибудь... И все бы это сказал Васька сейчас, немедленно, когда бы уверен был, что скажет и под конец не расплатится от обиды. И вообще... Молчание — в этом тоже гордость.

Он смолчал.

Он поставил свой чемодан поудобнее и, не замечая, что сап его слышен на весь магазин, стал укладывать книги, как они лежали раньше, с той же аккуратностью. Прозрачное пенсне на носу старика вновь подскочило к бровям, а щеки надулись еще толще. Он торопливо подсунул Ваське чек, почти в руку всунул, и наклонился к нему, закрывая книги рукой и жилеткой:

—Двадцать пять рублей!.. Тридцать?! Я еще прибавлю... Ну-с, молодой человек, сколько?!

—Не надо...

На чек Васька и не посмотрел.

Вытащил из-под руки приемщика остальные книги, закрыл замки, вздохнул и потащился со своей ношей из магазина. Забыл и на львов посмотреть, хотя, впрочем, их уже не было...

Не отошел он и двадцати шагов, как его нагнал какой-то белобрысый и длинноволосый — не то парень, не то девка, но в штанах. Он по-свойски дернул Ваську за плечо, притормозил:

—Слушай, корень!..— подмигнул он.— Кончай горевать... Хочешь, ошастливлю?! Перекуплю твое барахло, и топай!..

—Как это?!— не понял Васька, припоминая, где он уже видел этого типа. Да, кажется, там, в магазине, отирался около прилавка, глазел...

—Скопом все, чохом. Даю тебе четвертак и забираю вместе с ящиком не глядя!.. Да не бойся, наличными дам... Идет?!

Не-е...

—А ты что, барыга тоже?!—ухмыльнулся, удивляясь, белобрысый.— Так бы сразу и говорил, Алеха!..

Ругаются тут всякие...— буркнул Васька.

Он повернулся и взвалил чемодан на плечо. Из магазина теперь на большак. Нечего в городе делать, все сделано...

На вид Ваське годов четырнадцать. С лица конопат, нос как огуречный пупырышек — ничего привлекательного, и хоть глаза у него как большие блестящие пуговицы, все равно такого каждый и обмануть и обидеть может. «Не получилось? А может, и лучше?!— думает Васька.— Отец не стал бы расстраиваться...» И он, стараясь унять невольную дрожь в коленках, усмехнулся через силу, но со стороны посмотреть — шел он твердо, по-отцовски, и по-отцовски верил, что нет таких невзгод на свете, какие человек не смог бы преодолеть. И от этой веры он казался сам себе взрослей и решительней.

Карманных денег осталось у Васьки совсем мало, да еще он шоколадку съел, а Ленке большую плитку купил, но мелочи, которую он пересчитал дважды, должно было хватить, чтобы дать какому-нибудь шоферу, и он пошел ловить попутную машину, надеясь к обеду непременно успеть домой, а то Ленка переволнуется. Чего-чего, а этого ей никак нельзя. О том Ваську главврач по секрету предупреждал... Не допускай, говорит, старший...

Подобрал Ваську грузовик, крытый тяжелым, набухшим от дождя брезентом. Васька не ожидал, что людей в кузове окажется много. Но и не поворачивать же назад, когда ему руку протянули...

С ним поздоровались, кивнули как знакомцу — мужики все рослые, сильные, и продолжали разговор, несколько бурный для случайных попутчиков. Это Васька сразу понял. Нахохлившись, он пристроился на откидной скамеечке, всем видом своим показывая, что он тут временно, ненадолго, и ему дела нет, о чем мужики толкуют. Мало ли!.. Иной раз лишние уши как лишний рот. Люди-то чужие ему, Да и по виду нездешние. Сделают что, потом ищи-свищи их, как ветра в поле...

Усталость и раздражение, которые все еще переживал Васька, сделали его хмурым и боязливым, хотя в этом он не признался бы даже себе. Не такой он по натуре, чтобы отчаиваться, и отец его был веселый, общительный человек. А пассажиры в грузовике, судя по всему, друг друга хорошо знают, не церемонятся — и так и этак!.. Сердиты они не сами по себе, а от разговора... Вот и Боярышки вспоминают, и все знакомые Ваське названия окрестных мест и деревень у них на языке... Спорят не то о профессоре, не то об ученом каком, который утверждал, будто нефти в этих краях нет...

Нефти?.. О нефти говорят?!

Да ведь это значит, что он попал в машину к геологам!.. Вот здорово... Ребята в Боярышках ахнут, если он скажет, с кем домой ехал. Ни за что не поверят!.. А тот, что рядом с Васькой сидит, смеется. Он, наверное, старший — все поглядывают, прислушиваются к нему.

Устраиваясь поудобнее, Васька положил чемодан на колени, ногами уперся в трубы, наваленные на дно кузова. Сверху на трубах лежали пузатые, туго набитые рюкзаки. Сосед было двинул один мешок, пнул ногой, но они Ваське не мешают... Просто он воспользовался этим, чтобы повернуть ухо к

говорившим и лучше слышать их. Как-никак сам старожил этих мест, Васька тоже мог бы сказать им кое-что... Но кто его станет спрашивать, кому он нужен со своим мнением!.. Встрянешь вот так непрошеным — засмеют, подумают еще, что он хам какой-нибудь невоспитанный... И Васька, удрученный такими доводами, тяжело вздохнул.

Дорога, по которой они ехали, была неровной, машину раскачивало и трясло на ухабах. Разровненная года два или три назад грейдером, она больше не чистилась, не приводилась в порядок и уже потеряла свой прежний профиль. «Без хозяина»,— говорили о ней, и, конечно, ездили по ней кто как хотел. Особенно сильно портили большак после дождей и в непогоду. Не дав как следует просохнуть грунту, колхозы гнали тракторы и машины, вот и побили, испохабили колею.

Отец предлагал на распутицу закрывать грейдер совсем. А кому сильно приспичило — пусть обочиной корячится... Но где там, и отца не всегда слушали... Теперь вспоминают — правильно говорил, да близок локоть, а не укусишь... Геологи, видно, привычный народ, не замечают тряски. Зато рессоры плачут, и шофер в кабине небось на все лады ругается... Ну ничего, за Каменкой дорога лучше станет.

Раздумывая о дороге, Васька не упускал из виду разговор попутчиков, во многом непонятный ему. Но хмурого пожилого геолога, сидевшего напротив, худое лицо которого, чисто выбритое, было сплошь в зарубках морщин, Васька хорошо понял.

— Есть нефть, нету...— махнул тот рукой, и в голосе его было недовольство, как будто ему испортили аппетит,— каждый раз вы об этом... Чешете языки, как дети, а толку?!—Он закурил, затянулся.— Удивляюсь вам... Да вот приедем — проверим: есть — значит, есть, а на нет и суда нет...

Тут, когда попутчики на минуту умолкли, Васька полуобернулся к своему соседу, здоровенному геологу, кучерявому и смуглому, похожему на цыгана, и, не решаясь спорить со всеми, сказал ему:

А мне батя говорил, у Большого Камня есть нефть. Там даже горючий газ есть!..

Да ну?!— не поверил тот.

— Да, газ...— Васька немного напряг голос. Он думал, что ему сразу поверят.— Там, за копанями, где раньше торф брали, бучило, так из него пузыри выходят. Если туда паклю бросить, сперва засмолить ее, поджечь, то пузыри гореть будут. А мы с ребятами паклю на палку наматывали и кидали...

К горело?!— поинтересовались из передка кузова.

—Еще как!— усмехнулся Васька.— А старухи по святым дням ходили туда молиться... Раз даже с хоругвями собрались, с пением, да что-то у них застопорило...

Ты это серьезно?!— рассмеялся сосед.

Ну да!..— подтвердил Васька под общий хохот в кузове.

Ладно, он сказал, что хотел, а они теперь пусть думают. Нефть есть, и газ есть — от этого никуда не днешься.

Хорошо,— сосед первым перестал смеяться, только острые морщинки дрожали у него вокруг глаз, когда он раздумчиво посмотрел на Ваську и, будто договариваясь с ним, прихлопнул широкой ладонью по колену.— Стало быть, отец твой покажет нам эти места?!

— Не,— вздохнул Васька и помолчал.— Нету батьки.

Но Ваське понравилось, что именно сосед заговорил с ним, а остальные в машине, не то, побаиваясь своего начальника (а чего бояться, он же веселый!), не то из уважения к нему, присмирели, прислушивались к их разговору. Слово за слово, поведал Васька и о Боярышках, и об окрестностях вплоть до Большого Камня и Синей Горы, о том, о прочем, вот и о дороге, а за всем этим, сам не заметив как, рассказал Васька и об отце, о Ленке, немножечко о себе... Да вроде бы он и не хотел рассказывать, чем хвалиться-то?! Но человек такой

уважительный попался — слушает, а спросит — и будто нельзя не ответить. Вот ведь как... Говорит, у него тоже матери нет... А Васькина умерла при родах, когда Ленка родилась. Отец — эмтээсовский инженер, перегонял позапрошлой весной вместе с одним трактористом «Беларусь» через речку, а там на быстринке водою лед подмыло, они и провалились. Отец вынырнул, но еще нырял, он сильный был, и Степку вытащил — тот заика с тех пор, а самого пока в больницу довели — с ним уже дорогой разрыв сердца случился...

И то отцовы друзья, да и все эмтээсовские, не забыли их. В хороший детдом определяли, директор сам смотреть туда ездил и договариваться, а они подумали с Ленкой и не согласились. Да и бабушка воспротивилась, со мной, говорит, будете. Дом у них свой, Ленка в школу пошла, Васька же в то лето, как раз после шестого класса, устроился по ремонту в «Сельхозтехнику» — эмтээсы скоро переименовали. Жалели там Ваську и, если по правде говорить, не утруждали его слишком тяжелой работой. Он и в школу бегал, подучивался, и на работе не столько работал, сколько присматривался ко всему, да старым рабочим и то любо. «Мальчонка смысленый,— говорили о нем,— не отлынивает, грязи и масла не боится, липнет ко всякому делу...» Но тракторы Васька уже знал и думал, что хоть так скоро заменит отца. Не совсем, правда, и не так скоро, но все-таки. Он же старается!..

...После его рассказа в машине никто не решается на дальнейшие расспросы. Да и что спрашивать, мальчонка как на ладони, и так все сказал. Несладкая, видно, доля: сам на ноги не встал, на руках сестренка... Хлебнет еще горюшка... Зря он, может, от детдома отказался? Там хоть обстираны, обихожены, накормлены каждый день, а тут — сами, все сами...

Взрослые люди, случайные Васькины попутчики, переглядываются и без слов понимают друг друга...

Васька, сожалея, что слишком разоткровенничался, сам на себя обижен, дуется. Одно утешение, что вот сойдет он в Боярышках, распростится с геологами и больше никогда не увидит их... А жалко, он бы пошел с ними... Но что думать об этом, известно же: скажут, мал еще... И Васька, закусив губу, откинул назад голову, прислонился к брезенту. Снаружи, где-то над ухом, с треском бьет по тенту надорванная полоска, или обрывок веревки хлопает на ветру... И кажется Ваське, что вот так же громко стучит армейский барабан. «Странно,— удивляется Васька,— сколько лет на свете живу, а ни разу не видел, не слышал, как бьет настоящий армейский барабан... Вот бы по нему трахнуть разок!..

Васька прикрывает глаза.

Барабан барабаном, но вспоминается ему совсем иное... Как ходили они с отцом на Большой Камень. В копанях там водилась щука, а отец любил порыбачить... Сделал он и Ваське спиннинг, а вместо блесночки — маленькую деревянную рыбку на поводке... И Васькину рыбку щуки почему-то охотнее хватали, чем отцову. Отец же смеялся: «Везучий ты, Васька, никак тебя не обгонишь...» Он и рассказал Ваське про газ на болотах, и на большое бучило его водил — это уж они после с пацанами туда бегали, паклю горящую кидали. Кидали, да не добрасывали... А если б добросили, она б сразу загорелась, фонтаном!.. Отец уверял, что пройдет не так много времени и туда обязательно придут геологи. Васька спрашивал, почему же нет их до сих пор? Чего они ищут в других местах, когда известно, что тут, близко совсем, есть нефть? Она же дороже любого золота!.. А если не нефть, то газ... И отец объяснял, что геологи уже идут к ним, в Боярышки, но земля наша большая, и много в ней разных богатств. И пока геологи открывают их в других местах, им в Боярышках придется обождать... «Всему свой срок,— замечал он,— но ты-то увидишь!..»

...Тяжелая ладонь опустилась Ваське на плечо. Это белозубый и загорелый, как негр, геолог. Неужели он пригласит с собой Ваську? Сердце екнуло. Нет. Он только посмотрел в Васькины глаза-пуговицы, осторожно так, ласково стиснул плечо.

Потом спросил:

—Так ты говоришь, в город ездил, с книгами... Не они ли у тебя в чемодане?

Они самые.

Покажешь?! Ехать нам еще далеко...

Васька поколебался, но лица вокруг него были добрые, и он открыл чемодан. Аккуратно уложенные, толстые и потоньше, в черных и синих ледериновых переплетах, в коже, в картонных обложках, лежали там книги. Васька взял одну из них, по названию вспомнил первую строку: «Омут называется вишневым, а почему — никто не знает...»

Геолог наклонился, и Васька через рубашку услышал на шее его горячее дыхание.

— О-о!.. Да ты, брат, взаправдашний книгочий!..— удивленно произнес тот.— У тебя тут чего только нет... И двухтомник Уайльда?! Покажи... Это же его «Портрет Дориана Грея»?!

—Да, да,— рассеянно кивнул Васька,— пожалуйста...
Сосед чему-то улыбнулся, открыл книгу и громко, для всех, прочитал:

...каждый, кто на свете жил,

Любимых убивал,

Один — жестокостью, другой —

Отравой похвал,

Трус — поцелуем, тот, кто смел,—

Кинжалом наповал.

Он читал, и его веселый сначала, беззаботный голос незаметно напрягся, но потом стал звучать тише, печальнее. И, умолкнув как-то внезапно, на полуслове, он долго ничего не говорил. Насупленный, он очень осторожно — Васька видит.— почти что 'и пальцами не касаясь, переворачивает страницы, и только губы что-то беззвучно шепчут...

За Уайльдом из чемодана поднялись и разошлись по рукам Бунин, Куприн, Стельмах, Багрицкий и Экзюпери, Байрон... Кто-то, взял «Сказки» Гофмана...

Сосед спросил:

И как вам удалось собрать столько, целое богатство!..
Он откровенно завидовал им с Ленкой:

—Любая из книг нарасхват, а тут сразу... Жаль, жаль... Продашь так, потом уже не достанешь...

—Да я,— покраснел Васька от признания,— было и на прилавок их выложил... Потом постоял — и раздумал...

Мало дали?!— не так понял его геолог.— Сквалыги они, известно... Послушай, продай ты их —мне! Я тебе по пятерке за каждый томик Уайльда... Шикарная вещь!.. Я помню, еще в институте читал... До сих пор не могу забыть!..

Васька покраснел еще больше. Неловко, словно он цену набивает, как торгаш... А по глазам ехавших видел: каждому не то что завидно, а тоже, наверное, хочется хорошей книгой обзавестись... Вздохнул Васька, покачал головой:

— Не. В городе не продал, а тут и подавно, на полдороге-то...

—А-а-а...— вытянул губы геолог.
Васька забеспокоился:

— Ты не подумай что, я ведь вам правду говорю. Книжками теперь... Ленка командует. Мы бы и не продавали, да после бабки она захворала у меня... А врачи теперь на курорт советуют... И путевка уже есть, и все, нам только немножко на дорогу не хватает. Мне местком говорил, ты, мол, в случае чего обращайся, поможем... Конечно,— тут же заметил он рассудительно, видимо повторяя чьи-то слова,— просить — спину не гнуть... Но на каждую нужду не напросишься. Совесть тоже надо иметь... Вот мы и хотели книги... Уговорил я Ленку сдуру, сгоряча, а в городе вспомнил: у меня же костюм еще хороший!.. Продадим его — вот и выкрутимся...

Васька обвел попутчиков виноватыми глазами, развел руками — так вот все, уж вы не обессудьте, люди добрые. Добавил:

— Если интересно — читайте, смотрите, пока едем. Мне не жалко ведь...

Васька отвернулся и, найдя в брезенте дырочку, стал смотреть. Только что проехали несколько кирпичных домов Морозовки, и теперь большой морозовский луг, кочковатый у дороги, плыл перед Васькиными глазами. В самом дальнем конце его, возле леса, паслось стадо коров. Пастушонок задрал голые ноги, поднял голову — лежал на бугре, под тенью белой ракиты, и смотрел в их сторону. Лохматый белогривый кобель тоже поднял сонную морду, лениво зевнул. Пастушонок шуганул его, чтобы согнал коров, а то разбрелись... С луга налетел ветер, в машине запахло горьковато-сладкой, с пылью, ромашкой и пряной медуницей, раскидистые головки которой, как пена, покрывали луг белыми островками.

«Какой луг губят,— подумал Васька сразу о пастухе, о колхозных коровах, о знакомом председателе колхоза, которого, еще по отцу, не жаловал.— Могли бы и по оврагам, по балкам стадо гонять, а эту бы траву да под косу, да на зиму вместо силоса —молоко б слаже было...»

Сильный зеленый запах был родным Ваське, и он представил такой же луг за своей деревней, только трава на нем выше, на коленях станешь — головы не видать, и медуницы там больше, а над головой жаворонки вьются. Они, конечно, и над морозовским лугом есть, но из машины не слышно, как они заливаются... Да ведь это все еще при отце было!.. Схватит Васька какую-нибудь книгу — «Трех мушкетеров» или «Графа Монте-Кристо», спрячется на лугу, чтобы Ленка со своими куклами не приставала, и читает, читает до одури, как будто сам уже не в Боярышках, а в суровом замке на неприступном острове Иф... Солнце так печет, что трава накаляется до звона, каждая былинка дрожит, как натянутая струна, а ему хоть бы что, только страницы шелестят, да краем уха прислушивается, не сильно ли Ленка там разоралась... Но она молодец, отцу никогда не жаловалась. Он за это учил ее на облака смотреть... Облака летом легкие, сыпучие, то соединятся в парус, то как цветок с огромными лепестками, то как птица голубокрылая... Ленка присмотрится, присмирееет и уснет незаметно, он ее тогда прикроет чем-нибудь от солнца, а сам опять читает...

Но все-таки о чем шепчутся облака в вышине?!

Васькин сосед-геолог читал в это время сказку Уайльда, вернее, не читал — он держал книгу раскрытой, а сам, не глядя в нее, рассказывал своим друзьям сказку о Соловье и Розе. Хорошо рассказывал, интересно, как по книге... Васька даже пожалел, что сам не умеет так. Он думал, и сказка о

Соловье и Розе вплеталась в его мысли, словно неясная связь была между ней и его, Васькиной, жизнью. Хотелось плакать над жестокосердием человека, ради счастья которого погиб маленький поющий Соловей, пронзивший сердце шипом белой Розы, только чтобы она расцвела, распустилась алой... Только для этого!.. И самому хотелось. «Если надо,— думал он,— я бы тоже смог так...»

Дома худая, с горящими глазами Леночка бросилась ему на шею:

—Вась, продал? Неужели продал книги?! — Она даже не спросила, почему он приехал так рано.

—Нет, Лен, мы костюм продадим.

—Ой!.. И правильно, Васюточка, правильно!..

Она егозила, радовалась, что книги целы, и, пока Васька умывался с дороги, открыла чемодан. Вытерла чистым фартуком одну книгу, полистала, и вдруг на пол вылетела из нее синенькая бумажка. Подняла, смотрит — пять рублей... Как попали туда эти деньги?! Непонятно. И в другой книге... тоже пятерка, а вот десятка, и опять...

— Откуда они?!— шепчет Ленка, а сама удивленно смотрит на брата.

Васька и сам в толк не возьмет, откуда же, но потом догадывается, сбивчиво рассказывает ей о геологах,— они книгочии,— вспоминает он понравившееся ему слово, рассказывает о своем соседе, похожем на цыгана. Наверное, это он...

Ленка тоже все поняла. Она взяла несколько книг, подошла к брату.

— Вась, Вася,— протянула к книги ему,— а ты... на, отвези их тому человеку. Он же так хотел...

И оттого, что Ленка подумала одинаково вместе с ним, Васька на радостях поднял ее и, громко топая, закружил по комнате. Вышло это у него неуклюже, как-то очень по-детски, по-ребячьи, а он хотел, чтобы все было потцовски... Вот так отец тормозил их и носил по комнате — обоих в охапку!— когда возвращался с работы.

Он был добрый.

Что бы он сказал сейчас Ваське?!

Васька подумал и вернул книги.

Что?!—спросила Ленка, чуть не плача.

Эти не надо,— покачал Васька головой.— Такие всякий может достать. Давай отн—есем ему вон те...— И он показал на фиолетовые томики Уайльда...

Но ведь это самые любимые...

Да. Геологам папа разрешил бы!

И Васька вместе с Ленкой стал собираться на Большой Камень.

Это совсем недалеко от Боярышек...